

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ПАВЕЛ
МЕЛЬНИКОВ

В лесах

Том II

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
М48

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты работы
художника *Михаила Игнатьева*

Мельников, Павел Иванович.

М48 В лесах. Том II / Павел Мельников. — Москва : Эксмо, 2025. — 608 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-122897-2

Манящие лесные дали Заволжья, скрывающие в своих урочищах раскольничьи скиты с их потаенной жизнью. Вольно текущая Волга... Настоящая, исконная, старозаветная Русь, буйная в веселье, безудержная в грехах, истовая в раскаянии. Всему здесь найдется место — и пьянству, и легкости нравов, и изуверству. Но тем ярче живым, чистым блеском сияет настоящая любовь, подлинная вера, красота человеческой души.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-122897-2

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Весенние гулянки по селам и деревням начинаются с качелей Святой недели и с радуницких хороводов. Они тянутся вплоть до Петрова розговенья. На тех гулянках водят хороводы обрядные, поют песни заветные — то останки старинных праздников, что справляли наши предки во славу своих развеселых богов.

По чистому всполью, по зеленым рощам, по берегам речек всю весну молодежь празднует веселому Яр-Хмелю, богу сердечных утех и любовной сласти... То-то веселья, то-то забав!.. Милованью да затейным играм конца нет...

До солнечного восхода раздаются звонкие песни и топот удалых плясок на тех праздниках... Кроме дней обрядных, лишь только выдастся ясный тихий вечер, молодежь, забыв усталость дневной работы, не помышляя о завтрашнем труде, резво бежит веселой гурьбой на урочное место и дó свету водит там хороводы, громко припевая, как «Вокруг города Царева ходил-гулял царев сын королев», как «В Арзамасе на украсе собиралися молодушки в един круг», как «Ехал пан от князя пьян» и как «Селезень по реченьке сплавливал, свои сизые крылышки складывал»... Слышатся в тех песнях помины про Дунай-реку, про тихий Дон, про глубокие омуты днепровские, про широкое раздолье Волги-матушки, про московскую реку Сомородину... Лебеди белые, соколы ясные, вольная птица журинька, кусты ракитовые, мурава зеленая, цветы лазоревые, духи малиновые, мосты калиновые — одни за другими вспоминаются в тех величавых,

сановитых песнях, что могли вылиться только из души русского человека на его безграничных, раздольных, от моря до моря раскинувшихся равнинах.

Не успели оглянуться после Радуницы, как реки в берега вошли и наступило пролетье... Еще день-два миновало, и прикатил теплый Микула с кормом¹. Где хлеба довольно в закромах уцелело, там к Микулину дню брагу варят, меда ставят, братчину-микульщину справляют, но таких мест немного. Вешнему Микуле за чарой вина больше празднуют.

В лесах на севере в тот день первый оратай русской земли вспоминался, любимый сын Матери-Сырой Земли, богатый, крестьянством излюбленный, Микула Селянинович, с его сошкой дорога чёрна дерева, с его гужиками шелковыми, с омешиком² серебряным, с присушками красна золота.

Микулу больше всего смерд³ чествовал... Ему, поильцу, ему, милостивому кормильцу, и честнее и чаще справлял он праздники... Ему в почесть бывали пиры-столованья на братчинах-микульщинах⁴.

В день Микулы с кормом, после пиров-столований у богатых мужиков, заволжски ребята с лошадьми всю ночь в поле празднуют... Тогда-то в ночной тишине раздаются громкие микульские песни... Ими приветствуют наступающий день именин Матери-Сырой Земли.

¹ 9 мая, когда поля совсем покрываются травой — кормом для скота.

² Омéжь — сошник, лемех — часть сохи. Прису шек то же, что полица — железная лопаточка у сохи, служащая для отвалу земли.

³ Крестьянин, земледелец.

⁴ Как почитанье Грома Гремучего при введении христианства перенесли у нас на почитанье Ильи Громовника, а почитанье Волуса, скотьего бога, — на святого Власия, так и чествованье оратая Микулы Селяниныча перевели на христианского святого — Николая Чудотворца. Оттого-то на Руси всего больше Николе Милостивому и празднуют. Весенний праздник Николаю Чудотворцу, которого нет у греков, заимствован был русскими у латинян, чтоб приурочить его к празднику Матери-Сырой Земли, что любит «Микулу и род его». Празднество Микуле совпадало с именинами Матери-Земли. И до сих пор два народных праздника рядом сходятся: первый день «Микулы с кормом» (9 мая), другой день (10 мая) «именины Матери-Сырой Земли».

Микула свет, с милостью
Приходи к нам, с радостью,
С великой благостью!
Держимся за сошку,
За кривую ножку...
Мать-Сыра Земля добра,
Уроди нам хлеба,
Лошадушкам овсеца,
Коровушкам травки!..

Минул праздник Микулы, минули именины Матери-Сырой Земли, с первым сбором целебных зелий и с зилотовыми хороводами¹. Глядь, честной Семик на дворе — завиванье венков, задущные поминки. В тот день под вечер, одни, без молодцев, собираются девушки. Надев зеленые венки на головы, уходят они с песнями на всполье и там под ракитовым кустом стряпают «сборну яичницу», припевая семицкие песни. Завив венки, целуются через них и «кумят-ся» при звонких веселых песнях:

Покумимся, кума, покумимся,
Мы семицкою березкой покумимся.
Ой Дид Ладо! Честному Семику.
Ой Дид Ладо! Березке моей,
Еще кумушке да голубушке!
Покумимся,
Покумимся,
Не сваряся, не браняся!
Ой Дид Ладо! Березка моя!

Тут же и «кукушку крестят». Для того, нагнув две молодые березки, связывают верхушки их платками, полотенцами или лентами и вешают на них два креста-тельника². Под березками расстилают платки, кладут на них сделанную из

¹ Зилотовы хороводы справляются в день, когда «Земля именинница», 10 мая. В тот день церковь празднует апостолу Симону Зилоту. Оттого хороводы и зовутся зилотовыми.

² Тельник — крест, носимый на шее.

кукушкиных слезок¹ птичку, и, надев на нее крест, попарно девушка с девушкой ходят друг другу навстречу вокруг березок, припевая:

Ты, кукушка ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,
Чтоб жить нам не браниться,
Чтоб друг с дружкой не свариться.

С тех пор семицкие кумушки живут душа в душу целых три дня, вплоть до Троицы. Случается, однако, что долгий язычок и до этого короткого срока остужает семицкое кумовство... Недаром говорится пословица: «Кукушку кстили, да языка не прикусили».

А через день от честного Семика — «Клечальна суббота»... В тот день рубят березки, в домах и по улицам их расставляют ради Троицы, а вечером после всенощной молодежь ходит к рекам и озерам русалок гонять. Всю седмицу неделю, что слывет в народе «зелеными святками», шаловливые водяницы рыщут по полям, катаются по зеленой ржи, качаются на деревьях, залучая неосторожных путников, чтоб зашекотать их до смерти и увлечь за собой в подводное царство дедушки Водяного. Всю троицкую ночь с березками в руках молодые парни и девушки резво и весело, с громким смехом, с радостными кликами бегают по полям, гоняя русалок, а на солнечном восходе все вместе купаются в водах, уже безопасных от ухищрений лукавых водяниц... На Троицу у молодежи хороводы, на Троицу развиванье семицких венков, пусканье их на воду и гаданье на них... А у степенных женщин и старушек на тот день свои заботы — идут они на кладбища и цветными пучками, что держали в руках за вечерней, прочищают они глазыньки родителям².

¹ Растение *Orchis maculata*.

² Пучками цветов или березками обметают они могилы. Это и называется «прочищать глаза у родителей».

И так день за́ день, неделя за неделей, вплоть до Петра-ва дня... Что ни день, то веселье, что ни вечер, то «гулянка» с песнями, с играми, с хороводами и гаданьями... Развеселое время!..

* * *

В скитах гулянкам места нет... То бесовские коби, твердят старицы белицам, ут Бога они отводят, к бесам же на пагубу приводят. То сатанино замышленье, враг Божий тем позóрам людей научил, да погубит их в вечной муке, в геенне огненной... Имели скиты влияние на окрестные деревни — и там водят хороводы не так часто, не так обрядно и не так весело, как в других местах России. Молоды ребята больше играют в городки¹, а девицы с молодницами сидят перед ними на завалинах домов и редко-редко сберутся вместе за околицу песенок попеть да походить в хороводах вялой, неспешной поступью... Зато другие за Волгой забавы есть: катанья в ботника́х² по вешним разливам с песнями, а часто и с ружейной пальбой, веселые гулянки по лесам и вечерние посидки на берегах речек... Опречь того, есть еще особый род сходбищ молодежи, только заволжским лесам и свойственный.

В лесах Кéрженских, Чернораменских скиты стоят издавна, почти с самого начала церковного русского раскола. Одни еще по смерти своих основателей обезлюдели; другие уничтожены во время «Питиримова разоренья»³. На местах запустелых скитов остались гробницы старцев и стариц. Некоторые из них почитаются святыми. К этим-то гробницам и сходятся летом в известные дни на поклоненье. Материкелейницы служат там каноны «За единоумершего» и поставляют прихожим богомольцам привезенную с собой трапезу. Оттого охотников до богомолий на гробницах всегда бывает довольно. Под полами приносят они и штофы с ви-

¹ Городки, иначе чушки, рюхи — игра. Ставят ряд чурок и сбивают их издали палками.

² Маленькая лодка, выдолбленная из одного дерева.

³ П и т и р и м — архиепископ Нижегородский (1719—1738), известный своими действиями против раскола в заволжских лесах.

ном, и балалайки, и гудки, и гармоники. Только что кончится трапеза, вблизи гробницы на какой-нибудь поляне или в перелеске гульба зачинается, и при этой гульбе как ни бьются, как ни хлопочут матери-келейницы, а какая-нибудь полногрудая белица уж непременно сбегит к деревенским парням на звуки тульской гармоники.

Такие сборища бывают на могиле старца Арсения, пришедшего из Соловков вслед за шедшей по облакам Шарпанской иконой Богородицы; на могиле старца Ефрема из рода смоленских дворян Потемкиных; на пепле Варлаама, огнем сожженного; на гробницах многоучительной матушки Голиндухи, матери Маргариты одинцовской, отца Никандрия, пустытника Илии, добрым подвигом подвижавшейся матери Фотинии, прозорливой старицы Феклы; а также на урочище «Смольянах», где лежит двенадцать гранитных необделанных камней над двенадцатью попами, не восхотевшими Никоновых новин прияти¹. Но самое главное, самое многолюдное сборище бывает в Духов день на могиле известного в истории раскола старца Софонтия. Его гробница в лесу неподалеку от деревни Деянова.

Мать Манефа была очень довольна троицкой службой, отправленной в ее часовне. От согласного пения обученных Васильем Борисычем певиц пришла она в такое умиление, что не знала, как и благодарить московского посла. Оста-

¹ Гробница Арсения находится в лесу, недалеко от уничтоженного в 1853 году Шарпанского скита, близ деревни Ларионова. Могила Ефрема Потемкина — в тех же местах, близ деревни Зименок. Место, где сторел Варлаам, показывают в Полумском лесу, вблизи скитов Улангера и Фундрикова. Могилу Голиндухи, современницы Софонтия и противницы Онуфрия (в последних годах XVII и в начале XVIII столетия), указывают в лесу, между скитами Комаровым и Улангером. Мать Маргарита одинцовская схоронена близ бывшего скита Одинцовского, в лесу, недалеко от деревни Астафьевой; отец Никандрий — неподалеку от села Пафнутова и деревни Песочной. Пустытник Илия и мать Фекла — в лесу, близ Фундрикова скита; мать Фотиния — в лесу, неподалеку от гробницы Голиндухиной. «Смольяны» — место скита, основанного дворянами, выходцами: из Смоленска Потемкиными, из Москвы — Салтыковым, из Пошехонья — Токмачевым и другими, находятся в лесу, близ Шарпана и деревни Малого Зиновьева. Все эти места в Семеновском уезде Нижегородской губернии.

лась довольна и убранством часовни, в чем Василий Борисыч также принимал участие. Он расставлял вокруг аналогия цветы, присланные от Марьи Гавриловны, он украшал иконы, он густыми рядами расставлял березки вдоль часовенных стен... Как было удержаться московскому певуну от таких хлопот, когда тут были все пригожие белицы, весь правый клирос Марьюшкин, а в том числе и полногрудая, румяная смуглянка Устинья Московка?..

— Уж как я вами благодарна¹, Василий Борисыч, — говорила Манефа, сидя после службы с московским посланником за чайным столом. — Истинно утешил, друг... Точно будто я на Иргизе стояла!.. Ангелоподобное пение!.. Изрядное осмогласие!.. Дай тебе, Господи, доброго здоровья и души спасения, что обучил ты девиц моих столь красному пению... Уж как я много довольна тобой, Василий Борисыч, уж так много довольна, что рассказать тебе не умею.

— Таких певиц, какие у вас, матушка, подобраны, — обучать дело не мудрое, — с скромным и ласкающим выражением в лице ответил Василий Борисыч. — Хороши певицы в Оленеве, а до ваших далеко им...

— Вы это только одни приятные для нас слова говорить хотите, а сами вовсе не то думаете, — с лукавой усмешкой вступилась Фленушка. — Куда нашим девицам до Анны Сергевны, либо до Олимпиады, али до Груни келарной в Анфисиной обители!

— И те певицы хорошие — охаять нельзя, — молвил Василий Борисыч, обращаясь к Манефе. — Зато в певчей стае Анфисиных нет такой согласности, как у вас, матушка.

— Кланяйся, Марьюшка, благодари учителя, — засмеялась Фленушка вошедшей на ту пору головщице. — Тебе честь приписывают, твоему клиросу.

Марья головщица быстро взглянула на Василья Борисыча, едва заметно пересмеялась с Фленушкой и потупила глаза как ни в чем не бывало.

— Да, надо благодарить учителя, беспреренно надо, — говорила Манефа. — Ты бы вот, Фленушка, бисерну ле-

¹ В лесах за Волгой говорят: «благодарен вами», вместо «благодарю вас» и т.п.

стовку вынизала Василью-то Борисычу, а ты бы, Марьюшка, подручник ему шерстями да синелью вышила, а тебе бы, Устинья, поясок ему выткать хорошенький.

— Ох!.. Искушение!.. Напрасно это вы, матушка, — молвил Василий Борисыч.

— За труды, друг, за труды, — сказала Манефа. — Без того нельзя. У нас в лесах не водится, чтоб добрых людей оставлять без благодарности. Уж это как ты себе хочешь, а поминок от учениц прими, не побрезгуй их малым приношением... Эх, как бы ты у меня, Василий Борисыч, всех бы девиц перепробовал, да которые из них будут способны, ту бы хорошенько и обучил. Вот уж истинно благодеяние ты бы нашей обители сделал!.. Ну, да спасибо и за то, что над этими потрудился. Узрим плоды трудов твоих, наве́к останемся благодарны.

— Какие ж труды мои, матушка? — с смиренной улыбкой говорил на то Василий Борисыч. — Никаких мне трудов тут не было. Самому приятно было... Не за что мне подарков приносить.

— Со своим уставом в чужой монастырь, Василий Борисыч, не ходят, — отвечала Манефа. — Со вторника за работу, девицы.

— Искушение! — проговорил Василий Борисыч и молча допил простывшую перед ним чашку чая.

— А ты уж, Василий Борисыч, хоть сердись на меня, хоть не сердись, а я тебя из обители скоро не выпущу, — после недолгого молчания сказала Манефа. — По тому делу, по которому послан ты, обсылалась я с матерями, и по той обсылке на Петров день будет у нас собрание. Кроме здешних матерей, Оленевски ко мне приедут, из Улангера тоже, из Шарпана, из других скитов кое-кто. Из Городца обещали быть и с Гор...¹ Мы пособорuem, а ты при нас побудь — дело-то тебе и будет виднее. На чем положим, с тем в Москву тебя и отпустим.

— Право, не знаю, матушка, что и сказать вам на́ это, — ответил Василий Борисыч. — Больно бы пора уж мне в Москву-то. Там тоже на Петров день собрание думали де-

¹ То есть с правого берега Волги.

лать... Поди, чать, заждались меня. Шутка ли! Больше десяти недель, как из дому выехал.

— Да что у тебя дома-то?.. Малы дети, что ли, плачут? Отчего не погостить?.. Не попусту живешь... Поживи, потрудишься, умирения ради покоя христианского, — сказала Манефа.

— Ох, искушение! — со вздохом проговорил Василий Борисыч. — Боюсь, матушка, гнева бы на себя не навести... И то на Вознесенье от Петра Спиридоныча письмо получил — выговаривает и много журит, что долго замешкался... В Москве, отписывает, много дела есть... Сами посудите — могу ли я?

— Завтра же напишу Петру Спиридонычу, — перебила Манефа. — И к Гусевым напишу, и к матушке Пульхерии. Ихнего гнева бояться тебе нечего — весь на себя сниму.

— Искушение!.. — со вздохом молвил Василий Борисыч. — Опасаюсь, матушка, вот как перед истинным Христом, опасаюсь.

— Ин вот что сделаем, — сказала Манефа, — отпишу я Петру Спиридонычу, оставил бы он тебя в скитах до конца собраний и ответил бы мне бесприменно с первой же почтой... Каков ответ получим, таково и сотворим. Велит ехать — часу не задержу, остаться велит — оставайся... Ладно ли так-то будет?

— Нечего делать, — пожав плечами, ответил Василий Борисыч и будто случайно кинул задорный взор на Устинью Московку. А у той во время разговора московского посла с игуменьей лицо не раз багрецом подергивало. Чтобы скрыть смущенье, то и дело наклонялась она над скамьей, поставленной у перегородки, и мешкотно поправляла съехавшие с места полавашники.

— А тем временем мы работы для подаренья Василью Борисычу кончим, — молвила Фленушка.

— А вы на то не надейтесь, работайте без лени да без волокиты, — молвила Манефа. — Не долго спите, не долго лежите, вставайте поране, ложитесь попозже, дело и станет спориться... На ваши работы долгого времени не требуется, недели в полторы можете все исправить, коли лениться не станете... Переходи ты, Устинья, в келью ко мне, у Фленуш-

ки в горницах будете вместе работать, а спать тебе в светелке над стряпушей... Чать, не забоишься одна?.. Не то Минодоре велью ложиться с тобой.

Радостью глазки у Василья Борисыча сверкнули. Та светелка рядом была с задней кельей, куда его поместили. Чуть-чуть было он вслух не брякнул своего: «искушенье!» А Устинья застенчиво поднесла к губам конец передника и тихо промолвила:

— Чего ж, матушка, бояться во святой обители?

— Скажи матери Ларисе — указала я быть тебе при мне, — сказала Манефа. — Сегодня же перебирайся.

До земли поклонилась Устинья Московка игуменье. Честь великая, всякой белице завидная — у игуменьи под крылышком жить.

— А я бы, матушка, если благословите, сегодня же под вечерок в путь бы снарядился! — молвил Василий Борисыч.

— Куда Бог несет? — спросила Манефа.

— Имею усердие отцу Софонтию поклониться, — ответил Василий Борисыч. — Завтра, сказывают, на его гробнице поминовение будет, так мне бы очень желательно там побывать.

— Доброе дело, Василий Борисыч, доброе дело, — одобряла московского посланника Манефа. — Побывай на гробнице, помяни отца Софонтия, помолись у честных мощей его... Великий был радетель древлего благочестия!.. От уст его богоданная благодать яко светолучная заря на Кёрженце и по всему христианству воссияла, из рода в род славна память его!.. Читывал ли ты житие-то отца Софонтия?

— Не приводилось, матушка, — ответил Василий Борисыч. — Очень оно редконо... Сколько книг ни прочел, сколько «сборников» да «цветников» на веку своем ни видал, ни в одном Софонтиева жития не попадалось.

— Сказание о житии и жизни преподобного отца нашего Софонтия и отчасти чудес его точно что редконо; мало где найдется его, — молвила Манефа. — Ты послушай-ка, вот я расскажу тебе про него, про нашего кёрженского угодника, про скитского молитвенника преподобного и богоносного отца нашего Софонтия... Был священноиноком в Соловецкой киновии, крещение имел старое, до патриарха

Никона, хиротонию же новую, от новгородского Пителима... Пришел отец Софонтий в здешние страны и поставил невеликий скиток неподалеку от Деянова починка, в лесу. Первый он был в здешних лесах священник новой хиротонии... С него и зачалось «бегствующее» от великороссийской церкви священство... А до пришествия Софонтиева на Керженец, на Смольянах, у бояр Потемкиных да у Салтыкова, жил черный поп Дионисий Шуйский, пребывая в великом подвизе, да Трифилий иерей, пришедый из Вологды, да черный поп Сергей из Ярославля... И те отцы старого рукоположенья соборне прияли отца Софонтия... И жил отец Софонтий в здешних лесах немалое время, право правяще слово истины... Церковные обычаи утвердил, смущения и бури на церковь Божию, от Онуфрия воздвигнутые, утишил, увещающе возмутителей и приводяще им во свидетельство соборные правила... Подвиги же его духовные и труды телеснии кто исповесть?.. И по мнозех подвизех течение сверши — ко Господу отыде... И честные мощи его нетленны и целокупны во благоухании святыни почивают... Великие исцеления подают с верою к ним притекающим... И в том все христиане в наших лесах уверены довольно.

— Сказывали, матушка, про отца Софонтия, что людей он жигал. Правда ли это? — спросил Василий Борисыч.

Нахмурилась Манефа, взглянув на совопросника.

— Не нам судить о том, — строго сказала она. — Нам ли испытывать дела отец преподобных?.. Это с того больше взяли, что отец Софонтий священноинока Варлаама с братиею благословил в келии сгорети... А смутьяны Онуфриева скита в вину ему то поставили, на Ветку жалобны грамоты о том писали, а с Ветки отца Софонтия корили, обличать же не обличали... А хотя бы и вправду людей он жигал?.. Блажен извол о Господе!.. Это нынешним слабым людям, прелестию мира смущенным, стало на удивление, а прежним ревнителям древлего благочестия было за всеобдержный обычай... Оттого-то теперешни люди не токмо дивуются, но хулят даже сожжение грешных плоти Небесного Ради Царствия... Крепости прежней не стало, по бозе ревности нет — оттого и хулят... Не читал разве, что огненное страдание угащает силу огня геенского?..

— Читать-то читал, матушка, — потупясь, ответил Василий Борисыч. — Как не читать?.. А что ж это вы про отца Варлаама помянули? — спросил он Манефу, видимо, желая отклонить разговор на другое... — Про него я что-то не слышал.

— Из здешних же отцов был, из керженских, — сказала Манефа. — Жил в пустынной келье с тремя учениками... В Полумском лесу недалеко от Улангера, на речке на Кузленце, келья у него была. До сих пор благочестивые люди туда сходятся поклониться святому пеплу Христа ради сожженных... Пришел Варлаам в здешние леса из Соли-Галицкой, а в Соли-Галицкой был он до того приходским попом в никонианской церкви. Познав же истину, покинул тамошний град и паству свою, хотя пустыню лобызати и в предании святоотеческом пребыть. Принят же был от отца Софонтия вторым чином, пострижения иноческого от руки его сподобился и, живя безысходно в келии, все священные действия над приходящими совершал. Много душевным гладом томимых, много спасения жаждущих в пустыню к нему притекало, он же, исправляя¹ их, причащал старым запасом², что от лет патриарха Иосифа был сохранен. Книг же имел довольно, отовсюду собираше правоверных на книгоучение, утверждая их в древнем благоверии. Уведали о том мирские галицкие начальники и послали ратных людей со всеоружием и огненным боем изыскать отца Варлаама и учеников его... И более шести недель ходили ратные люди по лесам и болотам, ищущи жительства преподобного. Он же, божественным покровом прикровен, избега рук мучителей... Тогда изыде Варлаам из пустыни и прииде к отцу Софонтию совета ради, что сотворити при таком тесном обстоянии... И много беседоваху преподобные отцы от Святого Писания и всю ночь пребыли в молитвах и псалмопениях. И благословил пречестный отец Софонтий того пустынножителя Варлаама огненную смертью живот свой скончати, аще приидут к нему ратные люди, лести же их отнюдь не послушати... Тако поучал Вар-

¹ Исповедуя.

² Запасные дары.

лаама блаженный Софонтий златоструйными своими усты: «Не бойся, отче Варлааме, сего временного огня, помышляй же о том, како бы вечного избежать!.. Малое время в земном пламени потерпели, вечного же царствия достигнути!.. Недолго страдати — аки оком мигнуть, как душа из тела выступит... Егда же вступишь во огонь, самого Христа узришь и ангельские силы с ним. Емлют они, ангелы, души из телес горящих и приносят их к самому Христу, Царю Небесному, а он, свет, их благословляет и силу им божественную подает... Чего бояться огня?.. Гряди с мучениками во блаженный чин, со апостолы в полк, со святители в лик!..» И тако довольно поучи Варлаама и благослови его идти в пустынную келию на сожжение... На утрие же ратные люди обретоша келию и восхотеша яти отца Варлаама со ученики его... Они же, замкнув келию, зажглися... И ужаснулись ратные, видя такое дерзновение... Лестию пытали самовольных Христовых мучеников из запаленной келии вызвать, обещая учинить их во всем свободны... Они же не смутишася... Аки отроцы вавилонстии в печи горящей, тако и они в келии зажженной стояли и среди пламени и жупела псалом воспевали: «Изведи из темницы душу мою, — мене ждут праведницы!..» И тако сгорели телесами... Души же блаженных страстотерпцев, аки злато в горниле очищенное, ангелы Божии взяху и в небеса ко Христу царю понесли... Господь же благослови жертву сию чисту и непорочну...

— Невдалеке от Улангера то место, говорите вы, матушка? — погода немного, спросил Василий Борисыч.

— Лесной тропой вряд ли пять верст наберется, — ответила Манефа. — В том же лесу учительной матери Голиндухи гробница. И к ней богомольцев много приходит.

— Знать то место, где сожглися? — спросил Василий Борисыч.

— Признаку теперь не осталось, ведь больше полутораста годов после того прошло! — ответила Манефа. — Малая полянка в лесу, старый гóлубец¹ на ней стоит, а возле че-

¹ Могильный памятник, состоящий из деревянного сруба с кровлей на два ската и с крестом на ее середине. Прежде в лесных сторонах ставили их и на кладбищах; теперь они запрещены.

тыре высоких креста... Вот и все... От жилия удалено, место пусто, чему там быть?.. Лет восемьдесят или больше тому еще находили угольки от сожженной Варлаамовой кельи. А ныне и того нет — все разобрано правоверными... По обителям те Варлаамовы угли сохраняются... И у нас в обители есть таковые угольки... Воду с них болящим даем, и по вере пьющих целения бывают.

— Дивные у вас, матушка, места по лесам, — с умилением молвил Василий Борисыч. — Ваши пустыни, яко книги, проповедуют силу Божию, явленную во святых его угодниках.

— Дивен Бог во святых его!.. — набожно сказала Манефа, опуская очи. — Люди мы, Василий Борисыч, простые, живем не ради славы, а того только испытуем, како бы вечное спасение восхитити. Потому бумаге и чернилам повести о наших преподобных не предаем... Токмо в памяти, что в книге, златом начертанной, храним добропобедные подвиги их... Поживи с нами, испытай пустынные наши места — возвестят они тебе славу Божию, в преподобных отцах явленную... Много святопочитаемых мест по лесам Керженским и Чернораменским... Яко крин, процветала пустыня наша, много в ней благодати было явлено... А теперь всему приходит конец!.. — с тяжелым вздохом прибавила Манефа и поникла головой.

Все молчали.

— Благословите же, матушка, — прервал молчание Василий Борисыч. — После бы трапезы отправился я к отцу Софонтию — утреню там ведь с солнечным восходом začínают... Надо поспеть...

— Поспеешь, друг, поспеешь, — сказала Манефа. — Нешто я тебя пеша пушу?.. Обвечереет, велью подводу сготовить, к свету-то доедешь — ночи теперь светлые!.. На Ларионово поезжай, напрямиком... Дорога благá, зато недалеко... Пятнадцать верст, больше не наберется.

— Из вашего послушания, матушка, выйти не могу, — ответил Василий Борисыч. — Может, из обительских кто поедет? — спросил он.

— Как не поехать?.. Поедут, — молвила Манефа. — Завтра увидишь, как у нас память отца Софонтия справляют:

сначала утреню соборне поем, потом часы правим и канон за единоумершего... А после соборного канона особные зачнут петь по очереди от каждой обители, из которой приедут старицы... Прежде сама я каждый год к отцу Софонтию езжала, ноне не могу, опять боюсь слечь... Аркадию пошлю, уставщицу, у нее же сродственники в Деянове есть, оно и кстати. И тебе с нею будет где пристать... Успокоишься там после службы-то... Служба будет долгая и ранняя.

— И нас бы, матушка, с Марьюшкой да с Устиньей пустила, — молвила Фленушка, обращаясь к Манефе.

— Без себя не пущу... Бед натворите, — строго ответила Манефа.

— Никаких бед не натворим, — подхватила Фленушка. — Как только отпоем канон, прямо в Деяново.

— И не поминай, — сказала Манефа. — Тут, Василий Борисыч, немало греха и суеты бывает, — прибавила она, обращаясь к московскому гостю. — С раннего утра на гробницу деревенских много найдет, из городу тоже наедут, всего ведь только пять верст дó городу-то... Игрища пойдут, песни, сопели, гудки... Из ружей стрельбу зачнут... А что под вечер творится — о том не леть и глаголати.

— Да ведь мы бы с матушкой Аркадией... — завела было опять Фленушка.

— Углядеть ей за вами!.. Как же!.. — возразила Манефа. — Устиньюшка!

Из-за перегородки выглянула Устинья Московка.

— Молви Дементью, подводы готовил бы к отцу Софонтию ехать, — стала приказывать Манефа. — Гнедка с соловенькой в мою кибитку, сам бы Дементий вез — Василий Борисыч в той кибитке с Аркадией поедет. А сивую с буланой в Никанорину повозку заложить... Править Меркулу — а кому в той повозке сидеть, после скажу... Аркадии накажи, перед солнечным заходом зашла ко мне бы... Виринеюшке молви, канун бы стоговила да путную трапезу человек на десяток... Матери Таифе скажи — поминок стоговила бы деяновскому сроднику Аркадии, обночуют, может статья, у него. Мучки пшеничной полмешка припасла бы, овса четверть да соленой рыбы сколько придется, пряников да орехов ребятишкам, хозяйке новину... Да чтоб Аркадия ладану

взять не забыла да свеч. А кацею брала бы из стареньких, нову-то не поломать бы дорогой... Бутыль взяла бы побольше на воду из кладезя, а того бы лучше бочонок недержанный — бутыль-то разбиться может дорогой... Прикажи, чтоб должным порядком все было... Ступай.

Сотворив перед игуменьей метания, вышла Устинья Московка.

— А воротишься от Софонтия, — молвила Манефа Василью Борисычу, — на пепел отца Варлаама съезди да заодно уж и к матери Голиндухе. Сборища там бывают невеликие, соблазной от мирских человек не увидишь — место прикровенное.

В это время отворилась дверь и вошла в келью казначея Таифа. Положив уставной семипоклонный начал и сотворив метания, подала она игуменье письмо и сказала:

— Конон Елфимовский привез. В город ездил, там ему Осмушников Семен Иваныч отдал.

Молча распечатала Манефа письмо, посмотрела в него и молвила:

— От Дрябиных из Питера.

— От Дрябиных? — спросил Василий Борисыч. — Вы и с ними тоже в знакомстве, матушка?

— Благодетели, — ответила Манефа. — Дрябины давно нашей обители знаемы, еще ихни родители с покойницей матушкой Екатериной знакомство водили. Когда нашим старицам в Питере случается бывать, завсегда пристают у Никиты Васильича.

— Ведь они с Громовыми были первыми затейщиками австрийства, — сказал Василий Борисыч.

— Знаю, — ответила Манефа. — Они же ведь и в сродстве меж собой. Дочка Никиты Васильича, Акулина Никитишна, за Громова выдана.

— Так точно, — подтвердил Василий Борисыч.

— По родству у них и дела за едино, — сказала Манефа. — Нам не то дорого, что Громовы с Дрябиными да с вашими москвичами епископство устроили, а то, что к знатным вельможам вхожи и, какие бы по старообрядству дела ни были, все до капельки знают... Самим Громовым писать про те дела невозможно, опаску держат, так они все через